

АЛЕКСАНДР
ГОНОРОВСКИЙ

СОБАЧИЙ ЛЕС

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

СОБАЧИЙ
ЛЕС

АЛЕКСАНДР
ГОНОРОВСКИЙ

СОБАЧИЙ ЛЕС

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Гоноровский, Александр Александрович.
Г65 Собачий лес / Александр Гоноровский. —
Москва : Эксмо, 2025. — 192 с. — (Следы на
песке. Анатомия памяти).

ISBN 978-5-04-209765-2

1961 год. В фабричном поселке пропадает девочка. Шестилетний Валька со своей подругой Мией отправляются на ее поиски в соседний лес и встречают там гигантскую куклу. Это всего лишь первая из множества тайн, которые им придется разгадать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александр Гоноровский, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209765-2

Александрина Ирена, принцесса Прусская, или Адини́, как ласково звала ее мама, была особенной. Врачи говорили, что у нее монголизм. Давным-давно его открыл и описал доктор Даун.

Это Адини назвала подаренную ей на девятый день рождения куклу Гретель. Адини плохо выговаривала букву «р». Совсем не по-немецки эта буква дрожала у нее на небе, от этого кукольное имя звучало по-птичьи нежно.

Подарить Адини большую вязаную куклу решил известный архитектор Пауль Людвиг Троост. Позже его ценил сам Адольф Гитлер. Это Троост сделал так, что дом Адини, дворец Цецилиенхоф, изнутри стал похож на огромный океанский корабль.

— Кукла должна быть очень большой, — говорил Пауль Людвиг Троост, — чтобы ребенок мог видеть ее, в какой бы части детской он ни находился.

Кукла, сделанная по эскизам Трооста, вышла милой, но слишком большой игрушкой. Гости посматривали на куклу с иронией.

В девятый день рождения Адини окружали удивительные подарки. Музыкальная шкатулка из бисквитного фарфора. Цветные мелки. Красная металлическая тележка. Конструктор, из которого можно было складывать бревенчатые домики. Был даже подаренный папой американский электрический паровоз LIONEL — черный, деловито спешащий по настоящим, но очень маленьким рельсам. Пауль Людвиг видел, что его кукла выглядела громоздко и архаично рядом с обыкновенными игрушками, которые делали на обычных фабриках. Но как художник он знал — очень важно вовремя произнести слова, которые будут следовать за тем, что ты создал.

Стараясь не обращать внимания на ироничные взгляды гостей, Троост наклонился к девочке. Теперь его могли услышать лишь Адини и ее мать принцесса Цецилия:

— Знаешь, Адини, это не простая кукла.

— А какая? — Голос Адини осип от волнения. Зашуршав праздничным платьем, она подалась вперед, рот ее открылся, а глаза широко распахнулись.

— Она будет знать и чувствовать все, что знаешь и чувствуешь ты, о чем думают и что

помнят твои папа, мама, братья и младшая сестра. И если вдруг даже на самое крохотное мгновение ты останешься одна и тебе станет грустно, то стоит лишь посмотреть на куклу и с тобой рядом окажется тот, кого ты любишь и ждешь.

«Так себе сказка», — закончив подумал Троост. Но Адини и ее мать улыбнулись. И Троост понял, что его кукла принята.

Адини поверила Паулю Людвигу Троосту. Она верила всем. Гретель действительно оказалась волшебной куклой и стала для Адини главным подарком в жизни, настоящей подругой, которой можно было доверять свои и чужие тайны.

Гретель удивлялась чужой памяти и мыслям, которые потекли сквозь нее. Поначалу память не покидала стен дворца, но постепенно она росла: от клумбы за окном до чопорных улиц Потсдама, по которым любила гулять мама, до грязных замерших трупов солдат на полях Вердена в печальных воспоминаниях отца кронпринца Прусского Вильгельма.

Взрослые не могли заглянуть в память Гретель. Им, наверное, хватало своей. Даже дети старались не заходить в детскую Адини. У одного из старших братьев, Луи Фердинанда, сразу начинала болеть голова, Губерт ли-

шался чувств, Фридрих писался, а у младшей сестры, которую называли в честь мамы Цецилия, шла носом кровь.

Но Адини была особенной. Она с любопытством разглядывала чужую память и кивала важно. Так кивают маленькие девочки, когда с ними говорят о серьезном. В эти минуты от умиления на вязаной спине Гретель вставляли дыбом крохотные волоски.

Адини не боялась увидеть плохое. Она даже научилась менять память Гретель к лучшему. Для этого надо было зажмуриться, вытянуть губы трубочкой и подумать о хорошем. И тогда холодная зима превращалась в ласковое лето, погибшие солдаты оживали и возвращались домой, предатели становились образцом честности, а палачи — врачами. Этот мир Адини называла своим добрым королевством. А Гретель радовалась переменам и жалела, что сама так не умеет. В конце концов она была лишь куклой — отражением всего, что увидела и узнала.

Летом тысяча девятьсот шестьдесят первого мне исполнилось шесть лет. Я выходил во двор и оказывался в самой сильной, самой огромной стране, какую только можно придумать. Путь от подъезда до мусорных ям, где сжигали забракованных на фабрике кукол, был настоящим путешествием. Мимо старой яблони, песочницы, покосившихся рядов сараев, клуба, в котором по вечерам крутили фильмы или устраивали танцы, мимо продуктового магазина, где на заднем дворе на опустевших хлебных лотках лежал дядя Гоша. Выпив, он ругался с моей теткой и уходил навсегда из новенькой котельной, где работал кочегаром. Уйти дальше лотков у дяди Гоши не получалось. К утру от всех его желаний оставались лишь протрезвевший потерянный взгляд и хлебные крошки на щеке.

За магазином, за мусорными ямами начинался, не понять какой огромный, Собачий лес. За лесом растекалось озеро Гидра. На-

зывалось оно в честь построенного за пляжем забора, на котором висела табличка с надписью «Управление гидромеханизации». Но я еще не умел читать и думал, что в озере живет та самая Лернейская гидра, про которую рассказывала моя тетка.

Москва была еще дальше — за темными досками перрона железнодорожной станции. Она растворялась в радиоголосах и газетах. В Москве жила моя мать — двоюродная сестра моей тетки.

Когда мне было три с половиной, то за мать я принял Зою Михайловну, которая на Новый год наряжалась Снегурочкой и поздравляла фабричных детей. Тетка говорила, что Зоя Михайловна еле отбилась и оставила в моей руке лишь звездочку из фольги со своего пальто. Тетке не очень нравилось это воспоминание, а мне нравилось.

Мне нравились солдатики и пластмассовые пистолеты, но ни военным, ни даже Гагариным я быть не хотел. Бегать от настоящих взрывов и пуль или кувыраться посреди космоса в консервной банке дураков нет. А еще я умел шевелить ушами.

Через десять дней после вашего приезда я увидел тебя в песочнице и изо всех сил зашевелил ушами, чтобы понравиться. Мы бы и раньше познакомились, но поначалу ты

боялась выходить. После пустыни, где ты раньше жила, двор казался опасно маленьким и зеленым. Девочка, которая даже песочницы никогда не видела и думала, что это специально отгороженный от травы последний островок нормальной земли. У тебя были плавные движения и взгляд как у моей тетки. Такой взгляд Юрка Смирнов называл блядским. И это тогда означало что-то хорошее.

— Папа странный и дочка со свистом, — сразу сказала про вас тетка.

Она все про всех понимала, но иногда говорила так, будто я сам должен был догадаться о чем-то еще.

Я же думал, что ты просто везде суешься как дурканутая Ленка, которая жила надо мной на втором этаже. Вообще-то раньше ее звали просто Ленка. Но этим летом она совсем съехала с катушек и разучилась спокойно сидеть. Я всегда знал в какую часть комнаты она забежала. Бежит-бежит, остановится, топнет: «Валька, ты тут!?»

Ленку вытаскивали то из канализационного люка, то из закрытой трансформаторной будки, то из погреба какого-нибудь сарая, где хранили морковь и картошку. Ей все было интересно. Ленку водили к доктору Свиридову для опытов.

Юрка Смирнов говорил, что к врачам лучше не ходить. Когда у Юрки от грязи начинали чесаться глаза, то его отец дядя Коля для излечения плевал в них. А дяде Коле плевал в глаза его отец. А его отцу — его. Эти плевки в семье Смирновых передавались по наследству. И никаких докторов не требовалось.

Я знал всех ребят и девчонок, что жили в нашем дворе. Они хотели играть со мной, потому что у меня были модные короткие штаны с косыми кармашками и восемь с половиной солдатиков. Тетка рассказывала, что и штаны, и солдатиков по десять штук в коробке можно было купить только в Москве в магазине «Детский мир». Первого солдата я сразу потерял, ноги второго растаяли от огня в котельной. Я думал, что солдатик победит огонь, но он не победил.

Тем утром в песочнице я закопал безногого в могилу и поставил над ним кулич-памятник. Вчера тетка водила меня на взаправдашнюю могилу. На ней стояла бетонная пирамида со звездой. Мы мыли ее с мылом.

— Хм, — сказала ты, глядя на кулич-памятник.

Ты говорила: «Хм», когда тебе было интересно.

— Это братская могила, — сказал я.

— Почему же он там один, если она братская?

— Потому что у него нет братьев.

— Давай остальным тоже ноги отломаем, — предложила ты. — Вот тебе и братья. И скучно ему не будет. И на тебя будут похожи.

— Чем же они на меня будут похожи? — удивился я.

— А у них будут такие же, как у тебя, короткие штаны, — сказала ты.

Ты точно была со свистом. Но слова вылетали из тебя так легко, как зверьки из фотоаппарата дяди Гоши. Его двуглазый фотоаппарат назывался «Любитель» и был похож на упавшего очкарика. Перед тем как сделать снимок, дядя Гоша говорил: «Внимание, сейчас вылетит птичка». На фотографиях тетка никогда не улыбалась, а вместо птички вылетала стрекоза. Но крылья у нее вращались так быстро, что видно было лишь тонкое серое облачко.

Чтобы отломать ноги солдату, надо было вставить его в щель между кирпичами на стене сарая и изо всех сил стукнуть по нему каблуком. Один солдат сопротивлялся дольше остальных. Он вылетал из стены, смотрел с ненавистью и даже поцарапал мне ногу. А ты сказала, что среди игрушечных солдатиков всегда есть один настоящий.

Потом мы с тобой бросались песком и засохшими кошачьими какашками. Они отскакивали от меня, как пули от танка, но песок щекотал нос. Потекли сопли. Я ладонью растирал их по щекам, и ты сказала, что мне надо умыться. Так мы оказались у тебя на кухне. Ты долго терла мое лицо и шею посудной тряпкой. От нее пахло тухлым яйцом и хозяйственным мылом. Щеки у меня горели, как будто я стеснялся. Но я не стеснялся.

Ваша комната оказалась самой маленькой в мире. И я сразу стукнулся мизинцем о ножку старого платяного шкафа. Между шкафом и письменным столом были втиснуты две раскладушки. На столе сверкал черным бакелитовый телефон и стояла фотография прожженного насквозь южным солнцем твоего отца. Он был в фуражке пограничника. Он не снимал ее — даже когда в полосатой тельняшке и широких, как Черное море, трусах выходил покурить в сад под окном. С самого вашего приезда я хотел фуражку. Она мне даже снилась со всех сторон.

На шкафу лежали книги. Я столько нигде не видел.

— Мой папа только про войну читает, — сказала ты. — Он и мне читает. Это лучше любой сказки, между прочим.

— Не может быть, что лучше.

— Тогда почему ты в солдатики играешь, а не в аленький цветочек?

Это был хороший вопрос. Несмотря на любовь к литературе, которую пыталась привить тетка, самой интересной для меня книжкой оставалась выданная работникам фабрики брошюра «Это должен знать и уметь каждый». В ней было подробно разрисовано, где нужно лечь, когда рванет атомная бомба, как жить под землей в бункере, дышать через песок и добывать электричество из велосипеда.

Из игрушек у тебя было только несколько обгоревших тряпичных кукол с мусорки. Во время войны с фашистами на нашей фабрике производили что-то секретное для пушек, а потом стали шить кукол, но они тоже подходили на снаряды.

— Во что будем играть? — спросил я.

Ты сразу предложила соревнование — чья раскладушка сильнее скрипнет. Мне досталась раскладушка твоего отца. Она почти не скрипела, как бы я ни елозил на ней, а твоя орала.

— Папа тяжелый и большой, — сказала ты. — Он на своей раскладушке пружины заменил.

— Значит, ты сжулила, — сказал я.

— Ничего не сжулила, — ответила ты. — Просто надо уметь добиваться своего.

Ты умела говорить почти так же непонятно, как моя тетка. Сашка Романишко сказал весной, что нам никогда не понять женщин, что с головой у них всегда какая-то хрень.

Мы лежали с тобой на раскладушках и смотрели друг на друга. Под левым глазом у тебя оказались три веснушки, а во рту, как и у меня, не хватало зубов.

Ты протянула руку и легко взяла меня за нос. Пальцы у тебя были холодные и в цыпках. Тетка говорила, что цыпки бывают у тех, кто не моется. И я подумал, что они теперь переползут мне на щеки.

— Скажи что-нибудь, — попросила.

— Где твоя мама? — Из-за зажатого носа голос вышел писклявый и смешной.

Глаза у тебя вдруг стали немного косить. Тогда я еще не знал: если они косят, значит, ты что-то задумала.

— Дай слово, что никому не скажешь.

Ты достала из шкафа цветной потрепанный журнал с иностранными буквами. Раньше я никогда не видел таких ярких журналов.

— Вот моя мама.

С обложки смотрела женщина без трусов. Между ног у нее лохматились волосы. И это мне не понравилось. Женщина вызывала любопытство, но во всем этом я почувствовал какую-то лабуду.

— Где же твой папа с ней познакомился?

— На границе. Раньше он служил на пятнадцатой погранзаставе в Таджикистане. — Ты легко выговаривала трудные слова. — Таджикистан находится в пустыне.

— А почему она голая?

— Потому что в пустыне! — На последнем слове ты сделала ударение.

Картинка наводила на непонятные мысли. Но виду, что мне интересно, я не показал.

— Подожди. — Ты принялась листать страницы.

Мы легли ближе. Твои волосы приятно щекотали ухо.

— Видал?

На новой картинке твоя мама держала во рту чужую пisku и прикрывала от удовольствия глаза.

— Это еще что за глупости несусветные? — спросил я.

Так говорила тетка, когда еще не понимала, что я натворил.

— Это тоже игра, — сказала ты.

— Странная какая игра.

— А ты что хотел? Чтобы моя мама твоих обгрызенных солдатиков по могилкам распахивала?

Наверное, за обгрызенных солдатиков я должен был обидеться, но в руках и ногах

уже появилась уютная тяжесть. Глаза закрылись сами собой. Ты листала журнал, что-то говорила. Я слушал тебя как через подушку. Из окна тянуло горячее от солнца листвою, умирающим дымом с подожженных мусорных ям. Трещи пересохшим горлом, покрикивали друг на друга воробьи. Огонь в топке котельной. Зеленое яблоко, которое поставил на песочную могилу вместо звезды. Твоя голая мама в песочнице. Но я не заснул.

Ты стукнула меня журналом по голове.

В замке звенел ключ. Открылась входная дверь. Загудел сквозняком воздух. Будто кто-то вдохнул в комнату в три раза больше, чем она могла вместить. Ты закинула журнал под шкаф, потянула меня к раскрытому окну. Мы выпрыгнули в сад и замерли, прижавшись спиной к стене. В комнату вошел твой отец. Я понял это по тяжелым, прогибающим скрипучие половицы шагам. Скрип половиц приблизился — твой отец подошел к окну.

— Миаааа! — Это был крик шепотом. Низкий сиплый голос походил на свист крана, когда в поселке отключали воду.

Твое волнение передалось мне. Я задержал дыхание.

Окно захлопнулось. С рамы посыпались хлопья белой выгоревшей краски.